

Гитара

Сегодня в нашей рубрике «Дали искусства» — необычная тема и необычный автор. Предмет публикуемого очерка — музыкальный инструмент, древний и всегда новый, вечный и современный — гитара. А быть может, и не гитара как таковая, но ее роль в одной жизни. В жизни Татьяны Лещенко-Сухомлиной.

Татьяна Ивановна — не только замечательная гитаристка и певица, выступавшая много лет на профессиональной эстраде и оставшаяся ярким воспоминанием для всех, кто ее слышал. Она — переводчик английской и французской литературы, в том числе романов Жоржа Сименона и Уилки Коллинза, постоянно читаемых уже несколькими поколениями. Это человек высокой культуры, больших знаний, пламенно любящий искусство, и не одну только музыку, но живопись, театр, архитектуру.

Мы попросили Т. И. Лещенко-Сухомлину написать о гитаре и ее создателях так, как она о ней говорит, — открыто, задумчиво, просто, заражая слушающего своей страстью к диному инструменту, бережно пронесенной Татьяной Ивановной через жизнь.

ГИТАРА — инструмент особый. Заораживающий. Если, конечно, судьба одарит вас счастьем услышать Андреаса Сеговию и Кальку или Сергея Дмитриевича Орехова и Бориса Павловича Хлоповского. Я ставлю их в один ряд, ибо каждый из них — великий артист, и я с глубокой благодарностью вспоминаю их вдохновенную игру на гитаре.

У нас в России есть и еще прекрасные гитаристы, но не всех довелось мне услышать. Хочется назвать имена: Владимир Сазонов, Иванов-Крамской, Владимир Комаров, Дубовицкий, Диттель и Челноков, Борис Окунов. Я давно пишу книгу о наших гитаристах и о гитарных мастерах.

Гитара, вернее, музыка, с ранних лет обворожила меня. По выражению Николая Дилецкого (XVII век) в «Музыкальной грамматике»: «Музыка необъяснима, ибо степени духовные не поддаются исчислению разуму». Помню, как для меня в раннем детстве открылся в музыке особый грандиозный мир, ведь ребенок еще умеет слушать всем своим существом.

Ученица молодого Игумнова, моя мать, профессиональная пианистка Елизавета Николаевна Лещенко прекрасно играла концерты Грига, Чайковского с оркестром, сочинения Листа, Шопена, Рахманинова, Скрябина. Первое мое воспоминание: мама играет на рояле, и звуки лютневой мажорной этюда Шопена сливаются с солнечным сиянием, с ароматом цветущих акаций и моря... Мы живем в Одессе, близ берега. Нзм с Юрой — моим братом-близнецом — по два года.

Отец мой — агроном, ученик Тимирязева — играл на скрипке и на гитаре и пел украинские песни под гитару, а мама пела под рояль романсы Брамса, Чайковского, «Незабудочку-цветочек» Стравинского... И, конечно, разные «цыганские романсы». Эти чисто русские песни и романсы принято было называть «цыганскими» только потому, что многие из них исполняли цыгане, объединенные в хоры. Пели цыгане самолюбиво, ярко, эмоционально, в захватывающей, свободной манере. Многие русские исполнители стали подражать их манере петь. В этом своеобразном исполнении и заключено понятие о «цыганском романсе». Никакого отношения к национальному цыганскому фольклору так называемые «цыганские романсы» не имели. А пение в цыганской манере трогает иной раз до глубины души. Надо еще прибавить, что цыгане любят гитару и, как правило, прекрасно ею владеют.

Бабушка моя, Александра Евгеньевна Прохорова, пела русские народные песни и старые романсы, которые теперь, кроме меня, никто уже не помнит.

Они забыты. Всю жизнь мне хотелось напеть их на грампластинку, чтобы они вновь ожили... Чтобы их пели другие...

В детстве очень недолго я училась в так называемом Ектерининском «институте благородных девиц» в Москве. Теперь там Центральный Дом Советской Армии. У нас игру на рояле преподавали Рахманинов, Скрябин, Вильшау. Светский хор вел Азаранек, а церковный хор — Чесноков, знаменитые дореволюционные хормейстеры, и меня взяли петь на клирос за тоненький, но точный голосок.

В родительском доме всегда жила наравне с роялем и гитарой. Я научилась на ней аккомпанировать себе. Гитара — трудный инструмент, требующий постоянной тренировки и полной отдачи, как и каждое из искусств, если хочешь изучить его по-настоящему. Я умею только аккомпанировать себе, не больше. Внутренним слухом я слышу сопровождающие мелодию аккорды, и потому мне нетрудно подбирать аккомпанемент.

Из книг я знаю, что преобразованием гитары и вообще лютневых струнных инструментов считают древнегреческую кифару, и так называли в средние века в Европе разные струнные инструменты... С XIII века стали делать уже шестиструнные лютни, теорбы, гитары и тому подобное. К XVIII веку гитара стала известна по всей Европе. В собрании музыкальных инструментов при Парижской консерватории я видела среди прочих роскошную шестиструнную гитару работы знаменитого мастера Вобозана, заложенную черепашьей и перламутром, на ее футляре красовался герб дочери Людовика XIV. Там же хранится гитара работы Страдивари и другие гитары с инкрустациями, с узорами на верхней деке — драгоценные инструменты. Среди них есть и семиструнные гитары.

Верхнюю деку гитар и всех щипковых инструментов делают только из ели. Никакое другое дерево не дает такого звучания. А нижнюю деку делают из клена, палисандра, красного дерева, граба, бука. Дерево обязательно старое и сухое, чтобы, усыхая дальше, оно не трескалось. В руках истинного артиста гитара — диный инструмент.

В начале XIX века в России стали делать семиструнные гитары, их ввел в обиход Андрей Осипович Сихра, написавший много сочинений и транскрипций для семиструнной гитары. Отец Сихры, по происхождению чех, был простым учителем, но дал сыну музыкальное образование. Сихра давал концерты в Москве и преподавал игру на гитаре. Он издал свои знаменитые «Вариации для семиструнной гитары» и посвятил их своему любимому ученику Аксенову. Своё

посвящение Сихра закончил так: «Сихра находит славу свою в таланте Аксенова, а честь — в дружбе его».

Сихра переехал в Петербург, где скончался 77 лет в 1850 году. Как преподаватель Сихра был строг и точен, но, по отзывам современников, был удивительно добрым и деликатным человеком. Сочинения его до сих пор не потеряли своего обаяния.

В 30-е годы ученик Аксенова Михаил Тимофеевич Высоцкий завоевал широкую известность своей замечательной игрой на семиструнной гитаре. Он играл с непередаваемым очарованием и великой простотой, не прибегая к инструментальным эффектам. Сочинять он стал еще с юности. Основными его композициями были вариации на русские народные песни. Уроки его были нарасхват. Он был скромным и так застенчив, что почти никогда не выступал на сцене, слушатели собирались у него дома. Он производил глубокое впечатление певучестью, блестящей техникой и задумчивостью своей игры. Высоцкий был дружен с цыганом Ильей Соколовым, гитаристом, дирижером цыганского хора, и часто аккомпанировал солистам хора. Лермонтов в 1830 году посвятил Высоцкому стихотворение:

Всемогущий! что за звуки!
Жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник
Безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождут
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Все, чего уж нет...

Незадолго до кончины Высоцкий издал свою небольшую «Практическую школу семиструнной гитары» (Москва, 1838 год). Высоцкий умер в 1837 году. О нем писали многие, но больше всего я ценю маленькую книгу его друга М. Стаховича, написанную с горячей любовью и глубоким пониманием.

В середине прошлого века сложился в России и за границей М. Соколовский. После своих концертов в Москве и Петербурге, прошедших с громадным успехом, Соколовский поехал за границу. Он играл сольные сочинения для шестиструнной гитары, а также в его программу входили дуэты с роялем Джулиани и даже концерт для гитары с оркестром. При очень сильном звучании гитары у Соколовского словно пела мягко и нежно, по выражению композитора Дюбука, страстного ценителя гитары. Соколовский выступал в Лондоне, Париже, Вене, Берлине. Репертуар его был обширный, тщательно отобранный. Играл своей он, по отзывам, трогал до слез. Не учить он не умел.

В начале XX века в России было множество гитаристов-любителей. Они давали домашние концерты и объединялись. В 1902 году известный московский врач Заяцкий, ревностный любитель-гитарист, вместе с гитаристом В. А. Русановым издали в Москве книгу «Интернациональный союз гитаристов» с указателем фамилий наилучших гитаристов России, живших не только в Петербурге и в Москве, но и в провинции. В. А. Русанов, много сочинявший для гитары, основал в 1904 году журнал «Музыка гитариста». Журнал этот перестал выходить во время войны, в 1914 году.

У меня было три гитары. Одну из них, работы Ивана Андреевича Батова, я в 1970 году подарила Эрмитажу, она там теперь в постоянной экспозиции в зале 171. Вторая гитара, работы Ивана Яковлевича Краснощекова, сделана им в 30-е годы прошлого века, теперь живет в музее-лицее А. С. Пушкина под Ленинградом (город Пушкин), в комнате Михаила Яковлева, лицейского товарища А. С. Пушкина, впоследствии композитора. Третью гитару я оставила себе. Работы мастера Косолапова, сделанная в 1934 году, она пленительна по звуку и по форме. Я купила ее на улице. Случилось это так. Проезжая в троллейбусе остановку, что напротив гостиницы «Советская», я увидела пожилую женщину со свертком в руках. Закутанный в одеяло предмет напоминал очертаниями гитару. Я выскочила из троллейбуса. Женщина сказала, что да, это гитара, она продает ее, развернула сверток, и я сразу же полюбила эту изысканную, тщательно сработанную терц-гитару. Теперь косолаповская гитара живет у меня.

Но пока вернемся к гитаре И. А. Батова.

В 1945 году один московский театрал предложил купить у него гитару, которую он мне иногда одалживал в концерты. Гитару эту я очень любила и давно просила его, если захочет он с ней расстаться, сказать мне первой. Он считал, что она работы Краснощекова, хотя этикетки на ней не было. Гитара — красавица, головка лирная, гриф выложен черепашьей, корпус обведен слоновой костью, разукрашена инкрустацией из перламутра, да еще внизу эбеновые узорчатые усы. Нежная, трогательно красивая. Она висела у меня на стене как произведение искусства, я с ней не работала.

В 1970 году я решила расстаться с моей коллекцией старых песен и романсов (с конца XVIII века, включая начало XX) и договорилась, что ко мне придет смотреть их Константин Иванович Егоров — хранитель

Татьяна Ивановна ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА с двумя гитарами. Слева — гитара Краснощекова, справа — гитара Батова.

музыкальных инструментов Г. зее имени Глинки. А за день до него приходил ко мне Николай Лукич Кривонос — известный реставратор старинных инструментов, сделавший лютню знаменитому ленинградскому гитаристу и лютнисту Вавилову, ныне покойному. При виде гитары Николай Лукич воскликнул: «Да ведь это гитара Батова!».

На другой день его определение подтвердил и К. И. Егоров, предложивший мне сделать экспертизу, на что я с радостью согласилась. Неужели ее делал сам Батов?!

В назначенный день ко мне в сопровождении К. И. Егорова приехали прославленный скрипичных дел мастер Лев Александрович Горшков и профессор Института имени Гнесиных Борис Васильевич Доброхотов. Все трое тщательно осмотрели гитару и убедились, что ее делал Иван Андреевич Батов. Вот тогда-то я и решила, что должна устроить ей тихую пристань в Государственном Эрмитаже, где она обретет долгую жизнь на радость не только мне, но и многим.

Я постаралась узнать как можно больше из книг, а главное, из архивов Москвы и Ленинграда о «скрипичном мастере» Иване Андреевиче Батове.

Иван Андреевич Батов был крепостным графа Николая Петровича Шереметева, одного из богатейших, но и культурнейших вельмож XVIII века. Когда в Кускове набирали мальчиков, способных к музыке и театральному искусству, в их число попал и Иван Батов. Он научился делать музыкальные инструменты и гардировать, то есть реставрировать, их у московского мастера В. Владимировича и с 1789 года работал в крепостном театре в Останкине. С 1803 года он изучал в Петербурге в мастерской Гаука построение клавиководов. В «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1809 год я прочитала объявление: «Возле Казанского моста, в угольном доме г. Кусовникова, у скрипичного мастера Ивана Андреевича Батова продаются за сходную цену... два скрипки, альт и виолончель итальянской работы». Вполне вероятно, их сделал сам И. Батов. На выставке 1829 года, будучи уже вольным человеком, он получил Большую серебряную медаль за свою скрипку. Александр I заплатил Батову за скрипку 2 тысячи рублей золотом. К 1830-м годам Батов имел свою мастерскую. Его инструменты славятся глубиной, прекрасным звучанием, изысканностью отделки. Они шли за очень большую цену. Иван Андреевич Батов умер в 1841 году в Санкт-Петербурге, в собственном доме на Караванной улице.

Творец моей второй — краснощековской — гитары, Иван Яковлевич Краснощеков родился в 1798 году в селе Знаменка Рязанской губернии. С юности учился гитарному мастерству. В 1824 году он открыл собственную мастерскую в Москве. Он делал и продавал семиструнные гитары, славившиеся серебристым тембром, певучестью и изысканной отделкой... Лучшие гитаристы того времени играли на гитарах, сделанных им. В 1872 году на Московской политехнической выставке И. Я. Краснощеков получил за свою гитару золотую медаль. Умер он в 1875 году. Из его учеников прославился Василий Дмитриевич Климов, прекрасный гитарный мастер, и традицию отца продолжает Александр Васильевич Климов.

Яков Иванович Косолапов, создавший мою третью — косолаповскую — гитару, родом из Пензенской области. 22-летним

новобранцем в 1914 г. его взяли на войну. На фронте он был ранен. Его отправили на родину, но сопровождавшая его сестра милосердия повезла его в Москву, где и вышла за него замуж. Она была дочерью гитарного мастера Василия Дмитриевича Климова. До фронта Яков Иванович Косолапов считался искуснейшим резчиком иконостасов в Пензе. Узнав о редких способностях своего зятя, В. Д. Климов обучил его гитарному мастерству. В 1921 году в Москве организовали ГИМН — Государственный институт музыкальной науки. В ГИМНе работали мастера всех родов музыкальных инструментов. Витачек возглавлял отдел скрипичных инструментов. У него стали работать В. Д. Климов и

Я. И. Косолапов. Витачек предложил Косолапову изучить скрипку. Косолапов учился у мастеров Морозова и Фролова. Он стал делать отличные скрипки наряду с гитарами. В 1952 году летом Яков Иванович поехал погостить на родину, пошел купаться в Суре и утонул...

За свою жизнь я собрала много романсов и песен. На сцене я пела недолго. Мне когда-то аккомпанировал на гитаре Владимир Сазонов, а до войны в Ленинграде аккомпанировали мне дуэтом в две гитары Борис Кремота и Михаил Минин. В эвакуации во время войны я пела от концертно-гастрольного объединения по госпиталям и клубам Барнаула и Новосибирска. Вернулась в Москву в 1943 году и сделала интересную программу с гитаристами Диттелем и Челноковым. Я пела с ними не только старые русские, но и

французские, и английские песни и баллады. Диттель и Челноков сами делали аранжировки, очень стильные и высокого вкуса. Мы прошли просмотр в Московской филармонии, во главе которой стоял композитор В. Власов, весной 1944 года, и получили высшую оценку.

В 1957 году вышел в моем переводе с английского языка роман Уилки Коллинза «Женщина в белом», затем «Трильби» Джорджа Дюморье, затем — «Президент» Жоржа Сименона с французского и так далее. Переводить книги с английского и французского языков стало моей второй профессией. О встречах с Жоржем Сименоном во время поездок в Швейцарию в 1978 и 1979 годах и о том, как по его просьбе я пела ему, я написала для «Огонька». Я очень ценю Сименона как писателя и человека. Но более всего мне дороги его слова о чудесных рус-

ских песнях, которые я храню в памяти.

Я уже упомянула, что мне порой аккомпанировали отличные гитаристы. Но лучше всех, наиболее слитно с голосом, аккомпанировал мне Юрий Анатольевич Лосев. Ему понравилось мое пение, и он предложил сопровождать меня на своей 12-струнной концертной гитаре, которую по его заказу сделал ему ленинградский гитарный мастер А. И. Снетков. Юрий Лосев пел в хоре Свешникова. У него был баритон мягкого, бархатного тембра, абсолютный слух, и он прекрасно играл на гитаре. Он великолепно пел, особенно русские народные песни, с ними он был как бы органически слит. Во всем его облике было что-то богатейшее, исконно русское. Разносторонне одаренный, по образованию инженер-приборостроитель, он имел свои изобретения. У него были поистине золотые руки. Ряд лет он работал — и пел! — в Академ-

городке Новосибирска. Он увлекался спортом — спортом героическим и мужественным: был альпинистом, яхтсменом, плавал под водой. В 1969 году во время шторма в Обском море спас четверых утопающих, когда их лодка перевернулась.

Мы решили сделать совместную программу и с января 1979 года усердно репетировали на фирме «Мелодия». Голоса наши, хоть и совершенно разные по силе и тембру, в дуэте сливались и дополняли друг друга на фоне аккомпанемента двух гитар... Мы пели в последний раз в Союзе писателей 14 марта 1979 года.

Последнее время Юрий Анатольевич Лосев занимался дельтапланизмом. Он погиб в Коктебеле 13 мая 1979 года — разбился на дельтапланере. Ему было сорок лет. Он был очень красивым, очень душевным человеком.

Он любил гитару, как я.